

ЖИЗНЬ НЕБОЖИТЕЛЯ

Семь томов Айтматова о любви ко всему живому

КН. обозрение. — 1999 — 6 сент. — с. 5

Айтматов Ч. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост. и ред. акад. Р.Рахманалиев. — М.: Кыргызский филиал Калифорнийской Международной Академии наук и др., 1998

КОГДА-ТО Чингиз Айтматов был кумиром советских читателей, теперь ситуация изменилась, и не только для одного Айтматова.

За последние год-два отечественная литература была широко представлена круглыми юбилейными датами, иные из которых отмечались с помпой, соответствующими кремлевскими указами, а иные так — проходили под сурдинку. Выходит, как мы ни продвинулись вперед по пути демократических реформ и рыночных отношений, а орден Андрея Первозванного все же предлагался Солженицыну, а не, допустим, Марининой, хотя последняя более широко известна россиянам, чем тот же неистовый Александр Исаевич, который сам кого хочет, того и награждает. Вот наградил же он своей премией замечательную поэтессу Инну Лиснянскую, и вслед за этим и Комитет по Госпремиям обратил на нее внимание. Значит, писатель еще нужен государству, хотя и приходится ему бедствовать, (я не имею в виду здесь конкретно А.Солженицына), приходится заниматься изнуряющей журналистикой и горлодерской публицистикой. Или на телевидении вести какие-либо нелепые передачи. То Битова покажут в трусах, то Виктора Ерофеева вместе с вездесущим Приговым в чебуречной и их смачные размышления о литературе под пиво. Ну, этим занимаются литераторы, которые еще не успели обронзеть, которые только-только получили некий карт-бланш на Западе и всю его используют в нашей Скифии. А нам что? Все едим: и «Голубое сало» и «Русскую красавицу». Или вот совсем недавно обозреватель газеты «Время МН» Татьяна Щербина впала в раж от «культовой» фигуры молодого, но уже очень известного французского писателя Мишеля Уэльбека, который потряс французское читающее общество своим романом «Элементарные частицы». Она хочет поделиться своей радостью с нашими читателями и пишет следующее: «Приведу лишь одну сцену, не самую шокирующую: герой входит в спальню матери, где она спит рядом со своим любовником, раздвинув ноги. Он рассматривает ее влагище, подходя все ближе, но дотронуться не рискует. Выходит, мастурбирует, видя, как на него в это время смотрит кошка. Кончив, он хватает камень и, разбив кошке голову, отмечает, что ее мозги забрызгали все вокруг» («Время МН», 9 июня 1999 г.). Конечно, круто, но лишь для Т.Щербины, поскольку в наших «глянцевых» романах и не такое встретишь. Хотя, конечно, француз, «культовая» фигура, приехал из Парижа. Восторг понятен! А что? Переведут и «пипл схавает», не для этого ли страничка «Культура» данной газеты так шевелится? Но вернемся к юбилеям: опять же Солженицын, Астафьев, Васильев, Искандер, Быков, Айтматов. Самым младшим из них по семьдесят, и, как говорится, серьезная наша литература на излете. У каждого из них была своя по-своему нелегкая жизнь, но каждый, нужно отдать ему должное, отстаивал генеральные интересы человечества: добро, совесть, сострадание. В этом ряду нет тех, кому власть и привилегии вскружили головы. У каждого из них и своя известность, и своя ниша в душе народной — у одних больше, у других меньше. Это, в самом деле, наши классики. И слава Богу, что они есть, что есть тот золотой запас, который обеспечивает значимость и вес российской литературы на мировых просторах земли. Жаль, что не всегда и не в полной мере мы уделяем внимание их творениям, их суждениям, что петуши-

ные политические бои через телеэкраны буквально терроризируют зрителя, мучая его одновременно рейтингом политиков и шампунем от перхоти, а то и столь необходимыми прокладками. Честно признаться, я доселе к Айтматову относился скептически: попахивало брежневизмом — лауреат Ленинской премии, лауреат Госпремии, Герой Соцтруда, Советник президента СССР, Чрезвычайный и Полномочный посол в Люксембурге, Президент Ассамблеи культур народов Центральной Азии, Президент Арабско-Тюркского центра и т.д. Когда писать, при такой колоссальной общественной

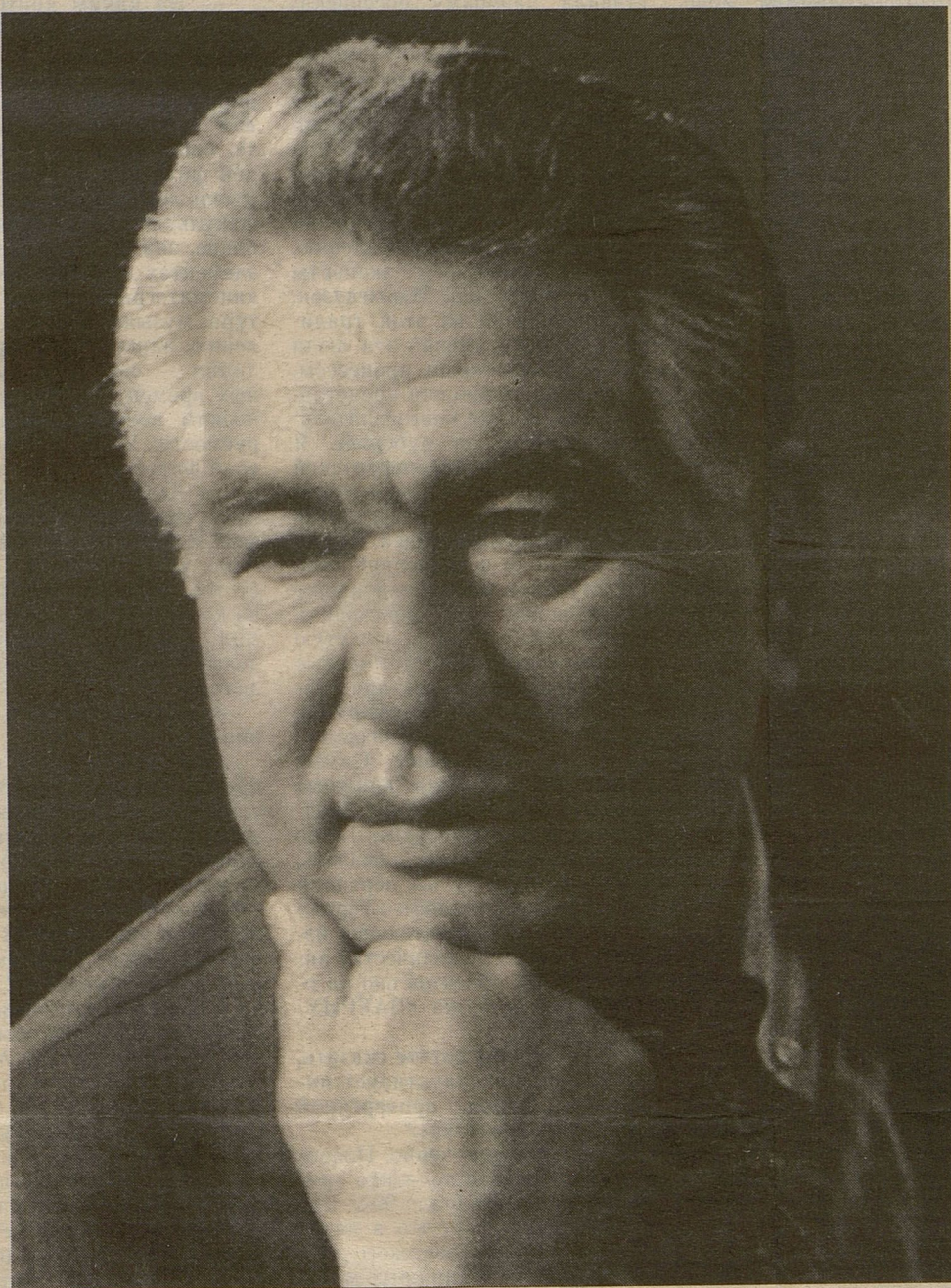
загруженности? Оказывается, возможно и писать, и выступать на конференциях по насущнейшим вопросам будущего человечества. А что же касается обилия званий, премий и тому подобного, то, видимо, время у нас нынче такое: без них как без рук, а то глядишь, и в приличное место не пустят. Но бояться этого Чингизу Айтматову, по-моему, уже нечего. Спустя почти полвека с того дня, как была опубликована его первая повесть «Джамиля», которая тоже была своего рода откровением среди потока заскорузлой официальной прозы того времени своей лиричностью, свежестью чувств,

возвышенной идеалистичностью образов Джамили и Данияра, сейчас же, безусловно, видишь, что рука автора, его стиль еще неровен, неглубок, более поэтичен, нежели онтологичен. Во всех дальнейших повестях: «Тополек мой в красной косынке», «Первый учитель» и других — конфликт автором обозначался альтернативно, жестко — здесь добро, там зло. Ну и соответственно палитра писательская не знала нюансов. Хотя манера его мужала, расцветала ширью и запахом степи, бездонного неба и прочей киргизской атрибутикой, кстати, весьма экзотично поданной автором. Мир Киргизии был так плотно схвачен писателем, так гомеровски сочно, что выдающийся наш философ и культуролог Георгий Гачев свою блестящую книгу «Национальные образы мира» открыл «Киргизским образом мира», который создал практически молодой человек. Не буду останавливаться на великолепных подробностях его изысканий и сопоставлений, его глубоких рейдов в космогонию и историософию, но уже то, что Чингиз Айтматов воплотил свою землю в слово, — великий подвиг.

Годы прошли, время и бытие наше категорически изменились, реалии стали совершенно другими, даже в тех аулах, где, может быть, не ступала нога художника. Чистые образы Джамили, Данияра, Ильяса, Дюйшена уходят в прошлое, в прекрасное прошлое. Это — рай, где живут чистые и светлые образы Чингиза Айтматова.

И вот обычно тогда, когда увенчанные и признанные всей страной литераторы замолкают, можно сказать, жиреют и голос их все менее и менее слышен, Айтматов, наоборот, совершает художественный прорыв. Он пишет роман «И дольше века длится день». Этот роман становится в лучшем смысле слова бестселлером. Думается, нет ни одного образованного человека, который бы не прочел его. Космос и почти пещерная жизнь Едигея на полустанке, смерть и глаза людей, устремленные в лучезарные просторы космоса. Чингиз Айтматов, который опубликовал этот роман в 1980 году, вынес всю нашу российскую литературу на уровень космического мышления, волей-неволей, но я почувствовал в его той прозе дыхание мысли наших полузабытых «русских космистов». В 1986 году новый роман «Плаха» только укрепил его авторитет как выдающегося мыслителя, правдоискателя не только для своего народа, но для всего человечества. Авдий Каллистратов — это ли не Алеша Карамазов сегодня? Останавливаться и пытаться анализировать эти романы, которые вошли в золотой фонд мировой литературы, по-моему, излишне. Для того чтобы сказать что-либо новое об их достоинствах, о тех тайных смыслах, которые в них заключены, нужно писать не заметку, а диссертацию. Частный штрих из собственной биографии: в конце 80-х я был с лекциями в Германии. Интерес у немцев был четкий и определенный — что пишет, что делает Айтматов? Не так давно в романе «Тавро Кассандры» Айтматов попытался смоделировать малопривлекательную для нас, то есть для человечества в целом, ситуацию, можно сказать, эсхатологическую. Выводы писателя неутешительны. Ощущение такое складывается, что трагическая судьба космического отшельника Филофея есть судьба незамутненной прагматизмом мысли человеческой. Роман написан нервно, на пределе художественных сил, там нет экзотики, а есть устрашающие символы. Многие из нас до сей поры валяют дурака — и писатели, и читатели. Пора заканчивать жизнь, отравленную ложью мнений и наркотой ту-совок. Ведь, как справедливо пишет Чингиз Айтматов: «Бог рассчитывает на нас так же, как мы рассчитываем на Него. Но каково же Его долготерпение!»

Юрий НИКОНЫЧЕВ

«Мы пред лицом неизведанных испытаний. Судьба предлагает нам труднейшую эволюцию — насколько мы сумеем ответить на запросы современности в литературе, искусстве, науке, если учесть, что мировой опыт литературного творчества постоянно обновляется и возрастает...»

Но что значит писать хорошо? Вряд ли кто сможет ответить исчерпывающе. Это, как мне кажется, и мощь замысла, и идейная убежденность, и выход мыслью в общечеловеческий космос, где сходятся в узел самые сокровенные помыслы человеческого рода...

История и судьба народа — память, перед лицом которой человек не может не обратиться к думам о мире и о себе...

Мы оказались отключены от мирового диалога. Наши книги по сравнению с прошлыми годами, можно сказать, не переводятся на другие языки, прежде всего на русский язык... В результате произошло отторжение огромного массива русскоязычного читателя, который всегда являлся для писателей Центральной Азии полигоном в «космос» мировой литературы...

Чингиз Айтматов